

ЗАПАДНОРИМСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ АЭЦИЙ И ОСНОВНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ЕГО ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ в 436 и 451 гг.:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Е. А. Мехамадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e.mehamadiiev@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две кампании Аэция. Войны с бургундами (436 г.) и гуннами (451 г.) свидетельствуют, что полководец неизменно придерживался идеи концентрации лучших военных сил империи в Италии для ее защиты от варварских набегов. Соответственно Аэций не использовал в боевых действиях подразделения, размещавшиеся в Италии, а обращался только к тем отрядам, которые пребывали за ее пределами, точнее, в Галлии (соединения, на вербованные из союзных варваров, колонии сарматов и рейнские пограничные гарнизоны). Итогом следования подобной военной доктрине стало уничтожение рейнских пограничных сил в битве на Каталаунских полях, что открыло франкам дорогу для беспрепятственного продвижения в глубь Галлии и захвата ее территории.

Ключевые слова: Аэций, германцы, гунны, регулярные римские войска, наемные отряды, Италия, военная стратегия

THE WEST ROMAN GENERAL AETIUS AND THE MAIN
PROBLEMS OF HIS MILITARY POLICY IN 436 AND 451:
AN ORGANIZATIONAL ASPECT

Evgeniy A. Mekhamadiiev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e.mehamadiiev@spbu.ru

Abstract. The paper considers two military campaigns of the West Roman general (*magister militum*) Aetius. One punitive expedition against the Burgundians (AD 436) and another offensive against the Huns in AD 451 might embody Aetius' military strategy which was in active stand during all the time covered by article. The author compares the evidence on each expedition and

Данные об авторе. Мехамадиев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории средних веков СПбГУ.

attempts to find the new reasons of Rome's fall strictly from the military point of view. The main question is whether we can accuse Aetius himself in deep decline of Roman frontier defence in the second half of 5th cent. On the ground of some narrative sources and two inscriptions the author determines which military units took part in the two campaigns mentioned above and discovers the common feature of these expeditions, which was the full absence of detachments placed in Italy. The main idea is that this strange fact was the direct result of Aetius' military doctrine which presupposed the concentration of the best field detachments only in Italy without sending these troops to outside provinces. It means that Aetius stood up to the Burgundians and Huns only by the forces positioned in Gaul itself (the mercenary bands of German warriors (*foederati*), the colonies of Sarmatians and frontier garrisons of the Rhine districts, while the Italian field armies continued to be around Ravenna, an imperial residence. So, the main motive of such a policy was the intention not to permit the Barbarian invasion in Italy, that's why Aetius understood his main task as to save in Italy most of the regiments which had been there earlier. As a result of this doctrine the Rhine frontier defence totally disappeared since the Rhine garrisons (the so-called *Ripari*) were destroyed by the Huns in the battle of Catalaunian Fields (AD 451), and this circumstance provoked the Franks to capture the Roman Gaul.

Keywords: Aetius, the Germans, the Huns, regular Roman forces, mercenary units, Italy, military strategy

В 407 г. Западная Римская империя столкнулась с опустошительным нашествием целого ряда германских племен, прорвавших и временно ослабивших рейнский лимес¹. С этого времени западную половину империи сотрясали непрекращающиеся военные мятежи, узурпации и гражданские войны, которые в конечном итоге привели к падению Рима в 476 г. Но основная проблема заключается в том, что дошедшие до нас источники, как нарративные, так и документальные (надписи), содержат крайне мало данных о составе тех римских армий, которые противостояли нашествиям германских племен в V в.

Многочисленные упоминания о варварах-федератах², участвовавших в различных военных кампаниях на стороне римлян, вряд ли могут ответить на вопрос о *регулярных* войсковых соединениях, с которыми римляне одерживали победы или, наоборот, терпели жестокие поражения в ходе военных действий. Вместе с тем, в нескольких текстах мы все же можем найти сведения, с одной стороны, довольно скудные и разрозненные, но с другой – позволяющие рассмотреть состав экспедиционных армий середины V в. с некоторой подробностью.

Эти источники, а именно: стихотворный панегирик Сидония Аполлинария, латинская надпись, установленная в Риме в конце 430-х – начале 440-х годов, «Гетика» Иордана и военный штемпель, обнаруженный вблизи Страсбурга, несомненно, проливают свет на такой важный вопрос, как состав боевых армий, находившихся под командованием Аэция в 436 и 451 гг. Сравнение двух кампаний

¹ В целом тезис о «разрушении» или «полном уничтожении» рейнской границы в 407 г. вызывает среди современных исследователей серьезные сомнения – если в 1938 г. Г. Нессельхауф утверждал, что в результате вторжения 407 г. западноримское правительство было вынуждено перевести уцелевшие гарнизоны так называемого Могонциакского округа (верхнее течение Рейна) в Галлию, тем самым оставив Верхнюю Германию без защиты, то Ю. Ольденштайн подчеркнул необоснованность подобных оценок, отметив, что и после 407 г. линия крепостей не была демонтирована и продолжала выполнять свои функции в этом регионе. См. Nesselhauf 1938, 22, 41, 44–45; Oldenstein 1993, 127–128.

² Более подробно об истории федератов и самом значении этого термина см. Scharf 2001, особ. 17–18.

этого полководца – бургундской и гуннской – даст нам возможность проследить в общих чертах эволюцию организационной структуры западноримской полевой армии в эту сложную и неоднозначную эпоху, поможет выявить, какие подразделения регулярных войск принимали в них участие. В конечном итоге, как нам кажется, поставленные вопросы позволят по-иному взглянуть на роль военного фактора в крушении Рима, оценить состояние его вооруженных сил именно в плане качества и характера тех боевых отрядов, на которые тогда опиралась былая мощь империи.

1. БУРГУНДСКАЯ КАМПАНИЯ АЭЦИЯ И ПАНЕГИРИК СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ: ПРИМЕР С САРМАТАМИ

Aetium interea, Scythico quia saepe duello est
edoctus, sequeris; qui, quamquam celsus in armis,
nil sine te gessit, cum plurima tute sine illo.
nam post Iuthungos et Norica bella subacto
victor Vindelico Belgam, Burgundio quem trux
presserat, absolvit iunctus tibi. vincitur illic
cursu Herulus, Chunus iaculis Francusque natatu,
Sauromata clipeo, Salius pede, falce Gelonus,
vulnere vel si quis plangit, cui flesse feriri est
ac ferro perarasse genas vultuque minaci
rubra cicatricum vestigia defodisse.

(Sid. Apoll. Carm. VII. 230–240)

Перевод: А между тем ты следуешь за Аэцием, так как он многому научился в Скифской войне; хотя он возвысился в военных делах, ничего не совершив без тебя, в то время как ты без него совершил многое. В самом деле, после войн с ютунгами и в Норике [Аэций], одержав победу над винделиком, вместе с тобой освободил белга, которого беспощадный бургунд поверг под свою пядь. Превзойден там [тобою] в верховой езде герул, в метании дротика гунн и в плавании франк, во владении щитом сармат, в движении салий, во владении серпом гелон³, а в умении переносить раны тот, кто плачет [от них], который, когда по нему наносят удар, льет слезы, мечом режет щеки и на грозном своем лице снова вскрывает красные шрамы от ран.

Приведенный пассаж панегирика, адресованного западноримскому императору Авиту (455–456 гг.), деяния которого и прославляет Сидоний, ставит перед исследователями сложные вопросы о значении тех этнонимов, которые упоминаются в связи с разгромом государства бургундов в 436 г. Что представляли собой отряды неких гелонов, а также более известных нам герулов, гуннов, франков, сарматов и салиев, какие функции они выполняли в ходе операций, в действительности проведенных именно Аэцием, *magister militum* Западной Римской империи?

Еще в 1942 г. Луайен, отвечая на этот вопрос, подчеркнул, что племена, перечисленные у Сидония, были не союзниками поверженных бургундов, как настаивала вся предшествующая историография, а соединениями римской армии, одержавшими

³ Перевод стк. 235–237, как нам кажется, достаточно труден в силу большого количества метафор, которые использует галльский ритор, что, естественно, порождает и двусмысленную трактовку этого пассажа. Наш перевод указанных строк сверен с английским и французским переводами: «Tu surpasses là-bas l'Hérule à la course, le Hun dans le lancer du javelot, le Franc à la nage, le Sarmate dans l'usage du bouclier, le Salien dans le combat à pied, le Gélon dans le maniement de la faux» (Loyen 1960, 63); “There the Herulian found in thee his match in fleetness, the Hun in javelin-throwing, the Frank in swimming, the Sauromatian in use of shield, the Salian in marching, the Gelonian in wielding the scimitar” (Anderson 1963, 139).

решающую победу над бургундами: народы, фигурирующие в панегирике, служили в римской армии в качестве вспомогательных этнических соединений, более известных как *auxilia*. Сходные идеи высказал и Фр. Альтхайм: гунны, равно как и все другие этнические группы, были союзниками Аэция, и именно эта категория войск внесла решающий вклад в разгром бургундского племенного протогосударства⁴.

Действительно, если обратиться к заключительным строкам пассажа Сидония (vv. 238–240), можно заметить, что галльский поэт определенно противопоставляет те племена, которых император Авит превзошел (*vincitur*) своими военными талантами, и тех варваров, которых он превзошел «способностью переносить раны» (*vulnere*). Эта часть текста переведена у Луайена как *tu surpasses enfin, pour l'endurance aux blessures, ces guerriers qui, dans l'affliction, cachent leurs larmes dans le sang de blessures volontaires* («наконец, способностью переносить раны ты превзошел тех воинов, которые, пребывая в печали, прячут свои слезы в крови добровольных ран»)⁵, но, как нам кажется, подобное понимание не совсем точно отражает смысл сведений, которые сообщает Сидоний.

Напомним, наш перевод фразы *si quis plangit cui flesse feriri est* выглядит следующим образом: «(превзойден) тот, кто плачет от ран, который, когда по нему наносят удар, льет слезы». Центральным по значению словом этой фразы, на наш взгляд, является пассивный инфинитив *feriri*, образованный от глагола *ferio* («наносить удар», «ударять», реже – «разрушать»). Обратим внимание, что во всех классических латинских текстах, в которых употреблена форма *feriri* (у Цицерона, Плавта и Саллюстия, согласно словарю Глэра: OLD, p. 686–687), подразумевается именно пассивное значение, когда объект испытывает действие, которое над ним совершают *другие*, но не он сам⁶.

У Луайена же плачущие варвары сами наносят себе раны от отчаяния, и именно в этом самоистязании французский исследователь видит пассивное действие, выраженное глаголом *feriri*. Мы же, наоборот, понимаем текст таким образом, что именно римский император наносит удар по варварам, и те, неспособные выдержать силу удара, либо накладывают на себя руки (*ferro perarasse genas* = (варвар) «мечом режет щеки» и *rubra cicatricum vestigia defodisse* = (варвар) «снова вскрывает красные шрамы от ран»), либо в слезах и мольбах просят императора о пощаде.

Соответственно, если принимать эту трактовку, можно сделать вывод, что под варварами, оплакивающими свои раны, Сидоний имеет в виду разгромленных бургундов – очевидно, только по отношению к побежденному и поверженному противнику латинский поэт мог применить столь уничижительные характеристики. Тогда вполне логично предположить, что остальные варвары, упомянутые в панегирике Сидония, были союзниками Аэция, который на самом деле разгромил бургундов, и вопрос только в том, все ли эти союзные племена жили за пределами римских границ, как настаивают на этом Луайен и Альтхайм.

⁴ Loyen 1942, 44; Altheim 1962, 196.

⁵ Loyen 1960, 63. Ср. английский перевод: “and in bearing of wounds thou didst surpass any mourning barbarian to whom wailing means self-wounding” – «и в перенесении ран ты превзошел любого плачущего варвара, для которого рыдание обозначает нанесение ран самому себе» (Anderson 1963, 139).

⁶ Ср. Pl. *Poen.* 150: *si feriri video te, extemplo dolet*. – «Увижу ли, что бьют тебя, вдруг делается больно» (пер. А.В. Артюшкова); Sall. *Iug.* 76. 6: *murum arietibus feriri* – «городскую стену разбивают таранами» (пер. В.О. Горенштейна); Cic. *Fam.* XV. 16. 2: *his autem spectris etiam si oculi possent feriri*. – «Хотя глаза и могут получать удары от этих образов» (пер. В.О. Горенштейна).

С учетом общей военно-политической обстановки в западной половине империи в V в. мы можем признать, что оценки Луайена и Альтхайма совершенно справедливы в отношении отрядов, набранных из франков (судя по всему, рипуариев или какой-либо другой их племенной группы), салиев (салические франки), гелон⁷ и гуннов, но они вызывают серьезные сомнения в случае с сарматами, также фигурирующими у Сидония. Действительно, многие источники подтверждают, что еще с начала IV в. различные германские племена усиленно вербовались в римскую армию, и многие их представители достигали командных должностей в армии, но тем не менее следует подчеркнуть, что проблема идентификации сарматов выглядит более сложной в силу неопределенности их правового статуса и происхождения.

В поэме, посвященной путешествию вдоль рейнской границы, Авзоний упоминает, что он посетил и пересек «поля, недавно отведенные сарматским поселенцам»⁸. А. Джошкун обоснованно, как нам кажется, датировал поэму осенью 369 – летом 370 г., полагая, что основная часть произведения была составлена именно в этот период⁹. Следовательно, принимая предложенную датировку, можно признать, что в начале 370-х годов в нескольких галльских регионах, пограничных с Рейном, размещались колонии (общины) сарматов, расселенных здесь на правах колон¹⁰. Как в свое время предположила Э. Демужо, эти сарматские переселенцы появились здесь еще в 350-х годах, когда император Констанций II, одержав решительные победы над сарматами в районе современной Венгрии, перевел многих сарматских пленников в Галлию, где они должны были обрабатывать земли и составлять в римское войско новых рекрутов¹⁰.

Мы же можем подчеркнуть, что, судя по всему, отряды галльских сарматов-колонистов, или летов¹¹, существовали и в начале V в., о чем свидетельствует указ Гонория, изданный 30 января 400 г.¹² Из этого указа видно, что сарматы активно служили в пограничной армии Галлии, пополняя ее состав рекрутами наряду с

⁷ Судя по всему, в лице гелонов мы встречаем поэтическое название ряда готских племен. В этом можно усматривать определенный вид литературного заимствования: наименование *Geloni* встречается в поэмах Вергилия, Граттия Фалиска, Марка Аннея Лукана, и во всех случаях этот этноним используется для обозначения скифов, известных нам по экскурсам Геродота; у Сидония, как и у большинства позднеантичных авторов, все реалии, связанные со скифами, были перенесены на характеристику готов. Подробнее см. Kiessling 1910, 1014–1018.

⁸ *Aus. Mosel.* 9: *arvaque Sauromatum nuper metata colonis.* – «...и земли, Что поселенцам сарматским отмерены были недавно» (пер. А.В. Артюшкова с дополнениями М.Л. Гаспарова).

⁹ Coşkun 2002, 415, 417, 424, 427–428.

¹⁰ Demougeot 1970, 110.

¹¹ Вид войсковых подразделений, возникший еще на рубеже III–IV вв., когда римское правительство принудительно переселило пленных германцев в галльские провинции, образовав целую сеть колоний, где германцы должны были обрабатывать земли и служить в римской армии. Более подробно об этой категории войск см. Simpson 1988, 80–85; Günther 1971, 42–43; 1977, 311.

¹² *CTh.* VII. 20. 12pr.: *...Quisquis igitur laetus Alamannus Sarmata vagus vel filius veterani aut cuiuslibet corporis dilectui obnoxius et florentissimis legionibus inserendus... ne delitiscat, tirociniis castrensibus inbuatur.* – «Итак, любой аламанн из летов, бродячий сармат или сын ветерана или человека любой профессии, кто подлежит рекрутскому набору и должен пополнить сильнейшие легионы... пусть не прячется, а вступит на военную службу в качестве новобранца».

аламаннами из числа летов (судя по всему, имеются в виду союзные римлянам племена, поставлявшие своих солдат в римскую армию), сыновьями тех же ветеранов и всеми прочими категориями населения. Интересно, что сармат фигурирует как бродяга (*vagus*), но вряд ли можно переводить это слово как «кочевник»: в тексте Авзония сарматы фигурируют скорее как земледельцы, и мы полагаем, что сарматы 400 г. и сарматы из поэмы Авзония – одни и те же племена, расселенные в Галлии еще в конце 350-х годов. Главная, отличительная черта их правового статуса – эти общины находились внутри империи, сарматы, жившие в Галлии, несли службу в регулярной римской армии, поэтому совершенно не случайно подразделения, набранные из сарматов по этническому принципу, упоминаются и в *Notitia dignitatum*, официальном перечне всех военных и гражданских должностей Поздней Римской империи.

Поэтому мы можем предположить, что скорее всего именно галльские сарматы участвовали в бургундской кампании Аэция, именно они упоминаются в панегирике Сидония, что находит вполне логичное объяснение. В условиях быстрой подготовки к карательной экспедиции (бургунды вторглись в провинцию Бельгику) для Аэция была более удобной вербовка тех войсковых соединений, которые уже находились в Галлии ранее и пребывали в этой провинции долгое время, что полностью подтверждается в случае с сарматскими военными колониями.

Таким образом, на примере сведений Сидония и частного эпизода с сарматами мы можем проследить интересную тенденцию: в бургундской кампании 436 г. Аэций совершенно не использовал войсковые подразделения, размещавшиеся в Италии; более того, даже сарматы, единственные регулярные соединения, участвовавшие в войне с бургундами, также дислоцировались за пределами Италии. Остальные же племена, как было сказано выше, в полном смысле представляли собой союзников-федератов, расселенных в той же Галлии или на ее границах, но не в Италии. В чем состояла причина подобной политики? Как нам кажется, прояснить этот вопрос может латинская надпись в честь победы Аэция над бургундами.

2. НАДПИСЬ ИЗ РИМА И СТРАТЕГИЯ АЭЦИЯ НА РУБЕЖЕ 30–40-х ГОДОВ V в.

Латинская посвяtitельная надпись на базе статуи, некогда установленной в Риме на площади перед так называемым *Atrium Libertatis*, содержит торжественное восхваление военной победы Аэция над бургундами и в связи с этим проливает свет на проблему военных приоритетов в его политике. Надпись была обнаружена в Риме в ходе археологических раскопок 1937 г., ее текст впервые опубликован в 1946 г. А. Бартоли. В 1948 г. А. Деграсси предложил новое, дополненное и исправленное чтение надписи, и в этом виде она была переиздана (АЕ. 1950. 30).

АЕ. 1950. 30 (p. 15) = 54 (p. 24)

-----] / [---?]R[-]O[---] [n]ec non et magistro militum per Gallias quas dudum / [o]b iuratas bello pace victorias Romano imperio / reddidit magistro utriusq(ue) militiae et secundo / consuli ordinario atq(ue) patricio semper rei publicae / [i]npenso omnibusq(ue) donis militarib(us) ornato huic / [s]enatus populusq(ue) Romanus ob Italiae securitatem / quam procul domitis gentib(us) peremptisque / [B]urgundionib(us) et Gotis oppressis vincendo praestit[it] / iussu principum dd(ominorum) nn(ostrorum) Theodosi et Placidi [Valenti]/[n]iani pp(iiissimorum) Augg(ustorum) in atrio libertatis quam [ingenio? suo?] / [pa]rens erigit dilatet et tuetur aequae st[atuae aere?]/ am conlocavit morum probro opum refugio delatorum ut hostium inimicissimo vindici libertatis / pudoris ultor<i>.

Перевод: [...] а также и командующему войсками в Галлии, которую он недавно благодаря победам, одержанным в мирное и военное время, вернул Римскому государству,

начальнику обеих войск и ординарному консулу во второй раз, а также патрицию навечно за счет государства, награжденному всеми военными дарами, — этому [человеку] сенат и римский народ решением принцепсов, повелителей наших Феодосия и Платидия Валентиниана, самых благочестивых Августов, в атрии Свободы, которую (тот) гением своим порождая (?) водружает и в равной мере расширяет и защищает, поместил золотую (?) статую в награду за безопасность Италии, каковую (безопасность. — *Е.М.*) он вдали от нее (Италии. — *Е.М.*) обеспечил, одержав победу и покорив [различные] народы, уничтожив бургундов, и повергнув в прах готов, честному нравами, избегающему донощиков как врагов, самому непримиримому защитнику свободы, мстителю [во имя] чистоты нрава.

В 1983 г. Дж. Дзеккини дал крайне скептическую оценку данной надписи, отметив, что она была водружена на римском Форуме между 439 и 446 гг. исключительно в пропагандистских целях по приказу самого Аэция и тех кругов придворной администрации, которые симпатизировали его политике¹³. Однако Р. Дельмэр совершенно справедливо подчеркнул, что в надписи Аэций представлен в образе не только победоносного полководца, но и законодателя, гаранта свободы римских граждан, т.е. в ней отражен вполне реальный факт — его активное вмешательство в дела гражданского управления¹⁴.

Оставляя в стороне вопрос о роли Аэция в государственном аппарате империи середины V в., обратим внимание, что надпись позволяет выявить целостную военную доктрину этого полководца: текст гласит, что Аэций одержал победу над бургундами именно «вдали» (*procul*) от Италии, за что и удостоился столь высокой почести. Это значит, что не только другие провинции должны были служить делу спасения Италии, но и те войска, которые размещались на территории других провинций, т.е. за пределами Италии, — именно в этом заключалась стратегия Аэция, нашедшая отражение в панегирике Сидония Аполлинария.

Несомненно, можно согласиться с мнением Т. Штиклера, подчеркнувшего, что Аэций считал своей главной задачей оборону италийских рубежей на территории провинций, удаленных от подступов к самой Италии, т.е. западноримский *magister militum* стремился любой ценой не допустить вторжения варваров в италийские земли, столь важные для сенаторской аристократии¹⁵. Безусловно, Аэций совершенно сознательно сделал ставку на проведение военных операций силами региональных армий, без отвода из Италии центральных войсковых резервов.

В сопоставлении же с текстом Сидония Аполлинария надпись Аэция приобретает новое звучание: судя по всему, во время каждой боевой операции, требующей его присутствия за пределами Италии, Аэций интенсивно вербовал в свою армию союзные контингенты франков, готов (вестготов), гуннов и других племен, а также регулярные военные отряды, размещавшиеся в Галлии. Основой этой политики был довольно простой принцип — преимущественный набор войсковых подразделений *на месте* проведения кампаний, по крайней мере, численное превосходство тех войск, которые и ранее пребывали на территории Галлии, а не Италии.

¹³ Zecchini 1983, 250–251. Текст надписи вызывает самые разные реакции, включая даже полное невнимание к столь важному памятнику: например, Дж. О’Флинн в своей книге о западноримских полководцах V в. воздерживается от каких-либо комментариев, отмечая лишь, что надпись перечисляет позиции, которыми Аэций обладал к 437 г., и, более того, датирует документ именно этим годом (см. O’Flynn 1983, 81).

¹⁴ Delmaire 2008, 293–294. Поэтому убедительными представляются аргументы Дельмэра, датирующего памятник 440 годом.

¹⁵ Stickler 2002, 268.

Поэтому совершенно не удивительно, что столь серьезная и крупномасштабная кампания, как бургундская, в которой, по мнению С. Мадзарино, затрагивались и экономические интересы Рима (освобождение торговых путей по Рейну от контроля со стороны германцев)¹⁶, потребовала привлечения далеко не самых эффективных частей регулярной римской армии – сарматских отрядов. В этом вопросе, на наш взгляд, Аэций неизменно исходил именно из соображений своей военной стратегии: опираться только на те части, которые находились за пределами Италии. Изменилась ли в последующем военная доктрина Аэция, принял ли он во внимание другие внешнеполитические приоритеты? Как нам кажется, сведения источников (обширной нарративной традиции в сопоставлении с данными одной надписи) о битве на Каталаунских полях позволят проследить дальнейшее развитие военной политики Аэция.

3. КАМПАНИЯ ПРОТИВ ГУННОВ (451 г.) И ВОЕННЫЙ ШТЕМПЕЛЬ ИЗ СТРАСБУРГА: ПРОБЛЕМЫ ПОГРАНИЧНОЙ АРМИИ

В «Гетике» Иордана, готского историка VI в., содержится небольшой, но крайне важный пассаж, в котором подробно перечисляются все типы войсковых соединений, участвовавших в битве с гуннами Аттилы на Каталаунских полях в 451 г. Текст этот не только порождает противоречивые трактовки исследователей, но и сам по себе демонстрирует пример очевидной неточности в терминологии, в том числе и военной – факт, затрудняющий понимание смысла любого источника.

Hi enim adfuerunt auxiliares: Franci, Sarmatae, Armorici, Litici, Burgundiones, Saxones, Ripari, Olibriones, quondam milites Romani, tunc vero iam in numero auxiliarium exquisiti, aliaeque nonnulli Celticae vel Germaniae nationes (Iord. Get. XXXVI. 191; ed. Th. Mommsen).

Были же такие вспомогательные войска: франки, сарматы, арморицианы, литицианы, бургунды¹⁷, саксы, рипарии, олибрионы – когда-то римские воины, [которых] тогда, в самом деле, можно было найти уже во вспомогательных отрядах, а также некоторые другие кельтские или германские народы.

Поразительно, но сам Иордан (не переписчик рукописи!) допустил предельно странную ошибку – подробно рассказав в нескольких предшествующих главах об участии вестготов в обороне Галлии от гуннских полчищ (XXXVI. 187–190), он, тем не менее, не причислил отряды готов к категории союзных варваров-федератов, тогда как по всем правовым признакам вестготы во главе с королем Теодериком относились именно к этой группе войск. Очевидно, по каким-то не вполне ясным причинам Иордан противопоставил собственно «римские» (в его понимании) силы и готов как «внешних» союзников империи.

¹⁶ Mazzarino 1976, 302.

¹⁷ Несомненно, под бургундами Иордана следует понимать именно тех бургундов, которые в 436 г. были разгромлены Аэцием: как отмечают многие исследователи, уже в 437 г., через год после своего поражения, бургунды были расселены на территории между городами Вьен (Франция) и Женева, с одной стороны (к югу от Женевского озера), и городами Лозанна и Арау – с другой (к северу от Женевского озера), где они получили земли для проживания – помимо обработки и возделывания этих земель, в задачи бургундов входила и военная защита данного региона от нападений со стороны аламаннов. См. Scharf 1996, 44–45 (аргументы в пользу хронологии расселения бургундов); Duparc 1958, 377 (анализ топографии расселения бургундов); Soraci 1980, 501–502 (обзор функций и положения бургундов, расселенных в Галлии).

Вместе с тем укажем для сравнения на пассаж «Жития Аниана», епископа Орлеана, который был очевидцем тех событий и лично наблюдал за осадой Орлеана гуннами Аттилы: «и немного времени спустя, как предсказывал хороший прорицатель, или спустя долгое время городу помог патриций Агетий (Аэций. – *Е.М.*) вместе с Турсомодом, королем готов»¹⁸.

Луайен в 1969 г. вполне убедительно доказал, что вопреки мнению издателя «Жития» Б. Круша, текст был написан не в VIII в., а в VI в., поскольку только в VI в. в источниках (и прежде всего в той же «Гетике» Иордана) впервые появляются сюжеты об осаде Орлеана гуннами Аттилы, тогда как хроники V в. (Идаций, Проспер Аквитанский) умалчивают об этих событиях¹⁹. Несколькими годами позже датировку Луайена уточнил М. Баньяр, сопоставив сведения «Жития» уже с другим источником, «Историей» Григория Турского: «Житие» было составлено на рубеже V–VI вв., когда Южная Галлия еще находилась под властью бургундов и вестготов (вплоть до 537 г.), именно поэтому в тексте ни слова не говорится о франках, в то время как Григорий Турский определенно пытается представить франков в качестве главных победителей в битве с Атилой²⁰.

Несомненно, подобные наблюдения проливают свет на причину противоречий в тексте Иордана: очевидно, в силу традиций, общих для всех национальных варварских историографий, он посчитал более выгодным упомянуть готов (вестготов), союзных Аэцию, вне связи с другими, менее значимыми в его понимании, народами, которые служили в римской армии в качестве *auxilia*. Готы же, наоборот, представляли в виде совершенно обособленной армии, равнозначной по силе и мощи всем «регулярным» силам римлян вместе взятым²¹, тогда как «Житие Аниана» отразило, на наш взгляд, более подходящий военный контекст, а именно – вестготы, равно как и другие варварские племена, были союзными войсковыми подразделениями, *входившими* в состав римской армии, но только на период крупных военных кампаний.

Следовательно, если франки, саксы, готы, бургунды и «другие кельтские или германские племена», перечисленные Иорданом, представляли собой варваров-федератов (наемников), пребывавших в римской армии на правах союзников, то совершенно очевидно, что сарматы, также упоминаемые готским историком, относились к тем самым военным колониям, которые, как мы уже отметили ранее, существовали в Галлии с середины IV в.

В целом исследователи сходятся во мнении и по вопросу о происхождении так называемых «арморицианов» и «летицианов» – первые были жителями Арморики, современной Бретани, где в позднеримский период действовал целый военный

¹⁸ *Vita Aniani*, 10: Neque multo post, quod bonus praedixerat vatis, aut procol ex urbi adfuit Agetius cum Thursomodo rege Gothorum (MGH. Scr. Rer. Mer. III. Ed. B. Krusch. 1896. P. 115).

¹⁹ Løyet 1969, 70, 73.

²⁰ Banniard 1978, 19–20, 29–30.

²¹ В работах, посвященных Аэцию, неизменно подчеркивается, что и до Иордана в источниках указывалось на решающую роль (вест)готов в сражении с гуннами – эта традиция восходит к Кассиодору, который первым в своей «Хронике» изложил подобное видение событий (см. Täckholm 1969, 263, 266, 268; Nagy 1967, 170). С другой стороны, определенная тенденциозность в освещении «национальной» проблематики была свойственна и другим источникам: например, Б. Цут совершенно справедливо отметил, что «Житие Аниана» не упоминает об участии аланов в битве на Каталаунских полях, поскольку аланы первоначально заключили союз с Атилой и только прибытие Аэция заставило их пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты (см. Czúth 1983, 7–8).

округ (дукат), в то время как последних обычно рассматривают в качестве соединений летов – германских военнопленных, когда-то расселенных в Галлии на правах воинов-земледельцев²².

Тем не менее две войсковые части, фигурирующие в описании Иордана – *Ripari* и *Olibriones*, – долгое время представляли для ученых загадку, пока этот вопрос не рассмотрел Р. Шарф. По его мнению, *Ripari* Иордана – не кто иные, как *Ripari<enses>*, т.е. подразделения пограничной армии, размещенные в крепостях по берегам крупных рек (*ripa*), в то время как *Olibriones* – искаженная в рукописи версия слова *Britones*, т.е. бритты, переведенные из Британии в Галлию²³. Думается, гипотезу относительно «рипариев» подтверждает военный штемпель (печать), обнаруженный в ходе раскопок в Страсбурге и опубликованный в 1976 г. Этот штемпель позволяет выяснить, из какого региона происходили «рипарии» Иордана и где они первоначально несли военную службу.

Издатель печати, Ф. Петри, предложил следующее чтение надписи: **NMLPAC** = **N**(umerus) **M**(i)l(itum) **Pac**(ensium), датировав весь комплекс находок обширным периодом 380–450 гг.²⁴ Подчеркнем, что Страсбург (Аргенторат) в позднеримское время входил в состав Могонциакского пограничного округа (Верхняя Германия), поэтому совершенно не удивительно, что *Notitia Dignitatum*, перечень всех военных и гражданских должностей империи, составленный предположительно к 419 г.²⁵, упоминает подразделение *milites Pacenses* в составе войск Могонциакского округа (*Praefectus militum Pacensium* – ND. Occ. XLI. 15).

Шарф предположил, что отряд *Pacenses* был переведен из Британии, где он дислоцировался ранее, в Галлию узурпатором Константином III в 407 г., а затем, после разгрома войск мятежника, этот войсковой корпус был размещен в Верхней Германии со ставкой в городе *Siletio* (совр. Зельц)²⁶. Правильность выводов Шарфа подтверждает текст *Notitia dignitatum*: одно из соединений, указанных в составе гарнизонов Верхней Германии, так называемые *Acincenses* (*Praefectus militum Acincensium*, ND. Occ. XLI. 25), фигурирует и в ND. Occ. VII. 101, уже в более привилегированном ранге *pseudocomitatenses*; более того, VII глава свидетельствует о размещении формирования *Acincenses* в Галлии.

Очевидно, после 407 г., когда германцы вторглись в Галлию и направили один из своих первых ударов именно в сторону Могонциака²⁷, многие гарнизоны были просто перемещены оттуда в Галлию для усиления защиты внутренних галльских

²² Scharf 1999, 2; Bachrach 1975, 15; Demougeot 1988, 241. Заметим, что Э. Демужо все же отказывается дать точную идентификацию статуса «лителианов».

²³ Scharf 1999, 4–6, 7, 10–11. Ради справедливости следует все же отметить, что впервые группу войск *Ripari* у Иордана отождествил с позднеримскими пограничными подразделениями *riparienses* Б. Бакрак, но его работа осталась почти незамеченной (см. Bachrach 1975, 17–18). Интересно, что совсем незадолго до появления статьи Р. Шарфа М. Шпрингер решительно отбросил подобные предположения и подчеркнул, что слово *Ripari* обозначало у Иордана просто население (включая и германское) нескольких пограничных регионов Галлии вдоль Рейна, расположенных в основном вблизи Кельна (см. Springer 1998, 220).

²⁴ Pétry 1976, 398–399.

²⁵ О датировке западного списка *Notitia dignitatum* см. Kulikowski 2000, 372–374, 375, n. 69.

²⁶ Scharf 2005, 234, 237.

²⁷ См. знаменитое письмо Иеронима, в котором он упоминает о разрушении города: *Mogontiacus, nobilis quondam civitas, capta atque subversa est* (Hier. Ep. 123. 15. 3, CSEL LVI (1852), 92).

провинций, и в их числе находился отряд *Asincenses*²⁸. И наоборот, подразделение *Racenses* не упоминается в VII главе ND, и это скорее всего означает, что формирование *Racenses* не размещалось в Верхней Германии до 407 г., в противном случае названный отряд должен был попасть в полевую армию Галлии и его пребывание в этой провинции было бы отражено ND. Осс. VII. Значит, воины *Racenses* были расквартированы в Верхней Германии только после 407 г., скорее всего в 416–419 гг., когда контроль равеннской администрации над Галлией и Германией был полностью восстановлен²⁹.

Сказанное подводит нас к главному выводу: те *Ripari*, которых упоминает Иордан, как нам кажется, происходили именно из Верхней Германии и размещались там к 451 г., тогда как незадолго до битвы с Атилиой Аэций специально перевел эти рейнские пограничные гарнизоны в Галлию, где они приняли участие в борьбе с гуннами. Мы можем предположить, что среди «рипариев», которых Иордан фиксирует в Галлии, находились и воины *Racenses*, дислоцировавшиеся в Верхней Германии.

В этой связи отметим, что наряду с отрядами сарматов подразделения *Ripari* представляли собой регулярные войсковые части западноримской армии, но это был единственный пример использования полноценных боевых формирований в кампании против гуннов – все остальные отряды, перечисленные Иорданом, относились к союзным варварам-федератам. И вновь мы видим полное отсутствие каких-либо войск, размещавшихся в Италии – как и в случае с бургундами, в 451 г. Аэций опирался только на группы армий (вернее, войсковые соединения), расположенные за пределами Италии, преимущественно в Галлии.

Более того, в 451 г. мобилизация войск затронула важнейший участок римской обороны: фактически в результате перевода верхнерейнских гарнизонов вся линия пограничной защиты в этом регионе была чрезвычайно ослаблена. Это, в свою очередь, привело к вполне закономерным последствиям – усиленному продвижению салических франков, которых уже никто не мог остановить или контролировать. В отличие от Э. Демужо, считающей, что постепенное вытеснение франков-рипуариев и аламанных салическими франками и бургундами началось еще с момента вторжения 407 г., а особенно усилилось в 432 г., когда Аэций был вынужден заключить с ними договор³⁰, мы полагаем, что полномасштабный захват гал-

²⁸ На этом настаивал и Г. Нессельхауф (Nesselhauf 1938, 41, 44). В свое время Ф. Лот высказал идею, что главы западного списка ND по пограничным армиям, к которым относились и войска Могонциакского округа, отражают период до 376 г., так как если бы на Рейне в 406 г. дислоцировалось столько же войск, как это представлено в *Notitia dignitatum*, племена германцев просто не смогли бы так легко прорвать рейнскую границу и разрушить систему римской обороны, но пример с формированием *Asincenses* ясно показывает, что небольшие пограничные гарнизоны размещались на Рейне и к 406 г., другой вопрос, что их численность была недостаточной для эффективной борьбы с германцами (см. Lot 1936, 314, 322).

²⁹ В этой связи мы должны отнестись с большой долей осторожности к позиции Ю. Ольденштейна, полагающего, что после 407 г. крепости Могонциакского округа продолжали существовать, но были в основном укомплектованы бургундами, расселенными здесь по договору 411 г. (Oldenstein 1986, 346; 1994, 71–73, 108–109, 111). Пример с отрядом *Racenses* наглядно подтверждает, что и после 407 г. кадровый состав верхнерейнских гарнизонов пополнялся именно новыми *регулярными* частями римлян, но не отрядами, набранными из союзных варваров.

³⁰ Demougeot 1966, 44–45. Ср. Loyen 1944, 133.

льских земель франками-салиями начался именно после 451 г., вследствие отвода всех пограничных сил для борьбы с гуннами.

Вместе с тем пример отряда *Rasenses* подсказывает нам, что вряд ли правы те исследователи, которые разделяют историю рейнского лимеса на периоды до и после Аэция. Не смерть полководца стала причиной фактической ликвидации римской пограничной системы³¹; наоборот, именно он своими действиями в ходе подготовки к кампании против гуннов самым решительным образом ослабил лимес (очевидно, сам того не осознавая), что в конечном итоге и привело не просто к бесконтрольному продвижению франков в глубь римской территории, но к полноценному завоеванию этой территории.

4. ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ АЭЦИЯ: АРМИЯ ИТАЛИИ И СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГАЛЛИЯ В 451–482 гг.

Следует обратить внимание и на сведения Прокопия Кесарийского, который сообщает, что когда варвары (здесь он имеет в виду целую группу племен, состоявшую из франков, вестготов, тюрингов, свевов и аламаннов, но, несомненно, в данном пассаже мы должны понимать под «варварами» именно франков) вторглись в северо-западную Галлию, они столкнулись с сопротивлением так называемых арборихов, которые тогда несли в этой части Галлии военную службу на стороне римлян³². Кроме того, германцам оказали сопротивление и другие отряды римлян, стоявшие в тех же краях³³. В конечном итоге и те и другие части предпочли сдаться германцам и вошли в состав армии завоевателей (*Proc. Goth. V(I). 12, 17*).

Все исследователи, обращавшиеся к сведениям Прокопия по Галлии, признают, что под Ἀρβόρυχοι византийский историк имел в виду арморики, или *Armorici* – местных жителей Арморики, области, охватывавшей прибрежную территорию между устьями Сены и Луары, включая и полуостров Бретань³⁴. В данном случае, если вспомнить, что Иордан в «Гетике» прямо пишет об участии подразделений *Armoriciani* в битве на Каталаунских полях в 451 г., то становится ясно, что арморицианы (или арморики) продолжали служить в римской армии и после 451 г., но они представляли собой отряды местного гражданского ополчения, т.е. небольшие гарнизоны, набранные исключительно из местных жителей, как в свое время отметил еще К. Жюллиан³⁵.

Это вполне естественно, поскольку западноримская администрация учредила в Арморики отдельный военный округ (*tractus Armoricanus*) еще в 404–406 гг.³⁶, но, по сообщению Зосима, уже в 406–407 гг., когда германцы впервые прорвали

³¹ Böhme 1994, 104. В этом смысле вряд ли можно согласиться с Г. Кастрициусом, который полагает, что вплоть до 460–470 гг. (!) римская военная организация не претерпела существенных изменений, отдельные реформы не затронули командный состав и размещение воинских частей, например, в Реции, Норике или других приальпийских провинциях, которые тоже были частью единого рейнского лимеса (см. Castritius 1985, 25).

³² *Proc. Goth. V(I). 12. 13*: ἐτύγχανον δὲ Ἀρβόρυχοι τότε Ῥωμαίων στρατιῶται γεγενημένοι.

³³ *Proc. Goth. V(I). 12. 16*: καὶ στρατιῶται δὲ Ῥωμαίων ἕτεροι ἐς Γάλλων τὰς ἐσχατίας φυλακῆς ἔνεκα ἐτετάχато.

³⁴ См., например, Lot 1930, 241, 251; Bachrach 1971, 23.

³⁵ Jullian 1921, 107–108.

³⁶ Аргументы в пользу этого вывода см. Scharf 1990, 470–471.

рейнскую границу, «все арморики... сами себя освободили... изгнав римских начальников и [по своей] воле учредив у себя собственное государство»³⁷.

Это значит, что вряд ли равеннская администрация успела разместить в Арморике крупные военные силы за столь короткое время – судя по всему, и после 416 г., когда контроль над Галлией был восстановлен, римляне не переводили в прибрежную Галлию свои регулярные войска из других провинций, поскольку это могло вызвать новые мятежи среди местного населения. Как результат, центральная администрация поручила защиту региона самим арморикам, из которых были сформированы небольшие пограничные гарнизоны.

Именно эти гарнизоны, на наш взгляд, и приняли участие в битве на Каталунских полях. Поэтому не вызывает удивления, что уже через несколько десятилетий эти малоэффективные и плохо обученные отряды сдались франкам, когда те вторглись в Арморик (очевидно, это событие произошло только после 486 г., когда Хлодвиг разгромил государство Сиагрия и сделал Париж столицей своего государства)³⁸. Несомненно, решающую роль в быстром захвате Галлии к северу от Луары сыграло именно отсутствие сколько-нибудь значимых регулярных военных сил римлян в этом регионе: последний барьер на пути франков в лице рейнских пограничных гарнизонов (*Ripari* = *Riparienses* Иордана) был расформирован Аэцием для участия этих отрядов в битве с гуннами, и после 451 г. рейнские части *riparienses* прекратили свое существование.

Если бы система обороны по Рейну не была упразднена в 451 г., франки вряд ли смогли бы столь быстро и относительно безболезненно для себя взять под свой контроль земли Арморики. Как раз наоборот, именно в силу полного отсутствия в Галлии пограничной оборонительной системы Хлодвиг присвоил себе власть над римской провинцией Бельгией Второй, которая располагалась на территории нынешних Нидерландов и Бельгии. Современник Хлодвиг епископ Реймса Ремигий в письме к королю франков с радостью говорит об этом: «Вы приняли на себя управление Второй Бельгией. То, что ты стал делать это – не новшество, поскольку так всегда делали [и] твои родители»³⁹. Мы полагаем, что Ремигий упоминает родителей Хлодвиг совершенно не случайно – на наш взгляд, письмо следует датировать 482 г., когда умер отец Хлодвиг Хильдерик I и Хлодвиг получил от него власть над франками. Другой вопрос, что, судя по сведениям Ремигия, франки захватили земли Второй Бельгии еще в эпоху самого Хильдерика I, правившего с 456 по 482 г. (см. PLRE II, Childericus I, 285–286).

Об этом свидетельствуют археологические данные, а именно гробница короля Хильдерика I, обнаруженная еще в 1651 г. в районе квартала Сен-Брис города Турне (ныне в Бельгии). В 1655 г. французский археолог и антикварий

³⁷ Zos. VI. 5. 3 : καὶ ὁ Ἀρμόριχος ἄπας... σφᾶς ἠλευθέρωσαν... ἐκβάλλουσαι μὲν τοὺς Ῥωμαίων ἄρχοντας, οἰκεῖον δὲ κατ' ἐξουσίαν πολιτεύμα καθιστᾶσαι.

³⁸ Интересно, что К.-Ф. Вернер рассматривает присоединение армориков к франкским войскам как результат соглашения, которое местные жители сами, добровольно заключили с франками: в данном случае произошла полноценная интеграция ополчения Арморики в армию Хлодвиг, поскольку местное население видело во франках единственную защиту от нападений вестготов и аламаннов (Werner 1996, 22–23, 25–28). Несомненно, признавая политический фактор, отметим и военные причины: слабые и плохо вооруженные отряды местного ополчения просто не были способны серьезно противостоять хорошо обученным и многочисленным полчищам франков.

³⁹ Administrationem vos Secundum Belgice suscepisse. Non est novum, ut coeperis esse, sicut parentes tui semper fuerunt (MGH. Epist. Vol. III. 1892. P. 113).

Жан-Жак Шиффле издал отчет о содержимом этой гробницы, в котором упомянул о наличии среди инвентаря золотого кольца с надписью *Childirici regis* (CIL XIII 10024, 307 = ILCV 48). В 1983 г. на территории предполагаемого захоронения Хильдерика I были проведены новые раскопки, которые подтвердили достоверность сведений Шиффле (еще в 1831 г. все материалы коллекции, обнаруженной в 1653 г., были похищены из Парижского музея медалей и монет, где они хранились с момента своего открытия, и вплоть до 1983 г. единственным источником знаний о гробнице франкского короля было описание, составленное Шиффле).

Целая серия раскопок, проведенных французскими археологами Р. Брюле и М. Казанским, выявила наличие в квартале Сен-Брис остатков кладбища времен Меровингов, самые ранние могилы которого датируются второй половиной V в., в целом – промежутком с 450 до 525 г.⁴⁰ В самой гробнице Хильдерика, согласно зарисовкам Шиффле, было найдено множество золотых монет восточноримского происхождения, которые чеканились в Константинополе и содержали легенды императоров от Феодосия II (408–450 гг.) до Зенона (474–491 гг.). Исследователи едины во мнении, что Хильдерик получал эти деньги от восточноримского двора либо в силу союзного договора, в обмен на борьбу с вестготами, либо просто в силу общей заинтересованности Константинополя в том, чтобы привлечь на свою сторону столь сильного союзника, заручиться его поддержкой в своих внешнеполитических инициативах на западе Римской империи⁴¹.

Достоверность сведений Шиффле подтверждается и недавней находкой в кабинете медалей и печатей Музея Добре в Нанте медного оттиска, сделанного, в свою очередь, с копии кольца короля Хильдерика. На этом оттиске также присутствует надпись *CHILDIRICI REGIS*, и вне всяких сомнений, эта находка может считаться первым со времен Шиффле вещественным доказательством существования гробницы Хильдерика I⁴².

Несомненно, размещение Хильдерика вместе с большинством салических франков во Второй Бельгике стало возможным только из-за полного исчезновения системы рейнской пограничной обороны, фактически прекратившей существование в 451 г. Если бы отряды *Ripari* = *riparienses*, упомянутые у Иордана, остались в своих рейнских гарнизонах, вряд ли вождь франков мог бы столь свободно распоряжаться территорией бывшей римской провинции.

Из-за отсутствия какой-либо защиты на Рейне франки смогли продвинуться в глубь римских земель, и центральная администрация в Равенне, не способная оказать сопротивление, просто признала Хильдерика I дуксом и наместником уже захваченной им провинции. Более того, амбиции и территориальные притязания франкского короля росли по мере ослабления Рима, поэтому совершенно не

⁴⁰ Brulet 1988, 40–41.

⁴¹ Kazanski, Périn 1988, 20, 37–38 (репродукции зарисовок Шиффле с изображениями и монетными легендами византийских императоров). Также см. Kazanski, Périn 1996, 206, 208, где Хильдерик даже прямо назван «римским военачальником» и «наместником Второй Бельгии». П. Перен полагает, что восточноримский император Зенон опасался чрезмерно возросших амбиций Сиагрия, *magister militum* Галлии, который стремился создать к северу от Луары собственное государство, полностью независимое от Константинополя. В противовес Сиагрию Зенон сделал ставку на вождя франков, который обещал ему свою лояльность и в обмен на нее получал денежные субсидии от императора (см. Périn 1995, 249).

⁴² Подробнее см. Salaün 2008, 217, 218, fig. 1, 220.

случайно мы видим в так называемой редакции А «Жития св. Женеьевы Парижской»⁴³ сообщение о том, что Хильдерик контролировал даже сам Париж, распространив свою власть далеко за пределы Второй Бельгии⁴⁴.

Но что же происходило в эти годы с армией, которая размещалась в Италии, другими словами, можем ли мы признать, что западноримская администрация изменила стратегии Аэция и стала использовать эту войсковую группировку в военных операциях за пределами Италии? Если же такие изменения происходили, насколько они были действенными и могли ли в сложившихся обстоятельствах серьезно повлиять на ситуацию и остановить завоевание Галлии франками?

Согласно Григорию Турскому, примерно в 456–457 гг. (см. PLRE II, Aegidius, 12) в Галлию из Италии был отправлен новый *magister militum* Эгидий⁴⁵, цель которого заключалась в обороне галльских земель от варварских нашествий. Судя по всему, Эгидия в этой миссии сопровождали именно войска, размещавшиеся в Италии, поскольку трудно поверить, что в тех условиях защиту Галлии можно было доверить местным гарнизонам — их, судя по всему, в Галлии просто не было, ее система обороны была основательно поколеблена в результате битвы на Каталунских полях.

Косвенно это подтверждает и «Житие Лупицина», галльского святого, где сообщается, что Эгидий обвинил перед императором прежнего командующего войсками Галлии, комита Агрипина, в том, что тот «долгое время с сомнительной благосклонностью и с тайным мошенничеством прилагает усилия к тому, чтобы передать провинции от государственной власти варварам»⁴⁶. Несомненно, в этих словах есть и доля истины: судя по тексту жития, у комита Агрипина действительно не было своих военных сил, способных остановить продвижение варваров, поэтому равеннская администрация, недовольная подобным положением дел в Галлии, отправила на смену Агрипину нового военачальника — Эгидия, передав под его командование значительную часть отрядов, ранее размещавшихся в Италии.

Как свидетельствуют Павлин из Периге и Григорий Турский, в 458–459 гг. (см. PLRE II, Aegidius, 12) Эгидий вместе со своими войсками был осажден вестготами в Арле⁴⁷, а в 463 г., согласно латинскому хронисту Марию Авентинскому, Эгидий одержал решительную победу над вестготами и их королем Фретириком⁴⁸. Со слов Григория Турского мы знаем, что в сражении под Орлеаном Эгидию помогли войска салических франков под предводительством все того же короля Хильдерика⁴⁹.

⁴³ Вопреки мнению издателя этой версии Б. Круша, датировавшего рукопись рубежом VIII–IX вв., Ж.-К. Пулен показал, что версия А самая древняя из дошедших до нас рукописей жития, написанная не позднее 650 г. (см. Poulin 1983, 93–113, 121, 137–139, 142).

⁴⁴ *Vita S. Genovefae*, 26: cum esset gentiles Childericus rex Francorum... egrediens urbem Parisiorum (MGH. Scr. rer. Mer. III. 1896. P. 226).

⁴⁵ Greg. Tur. II. 11: In Galliis autem Egidius ex Romanus magister militum datus est.

⁴⁶ *Vita Lupicini*, 11: vir condam inlustris Agripinus... comes Galliae a principe constitutus... apud imperatorem... fuerat offuscatus... barbaris procul dubio favere et subreptione clandestina provincias a publica niteretur ditione desciscere (MGH. Scr. rer. Mer. III. 1896. P. 149–150).

⁴⁷ Paulin. Petricord. *Vita S. Mart.* VI. 111, 113–114: Inlustrem virtute virum... / Aegidium hostilis vallaverat agmine multo / obsidio (CSEL XVI, 143); Greg. Tur. *De Virt. S. Martini*, I. 2: Egidius quoque cum obsederetur ab hostibus (MGH. Scr. rer. Mer. I. 2. 1885. P. 137).

⁴⁸ His consulibus pugna facta est inter Aegidium et Gothos inter Ligerem et Ligerecinum iuxta Aureliani ibique interfectus est Frediricus rex Gothorum (MGH. AA. XI. Chron. min. II. 1878. P. 232).

⁴⁹ Greg. Tur. II. 18: Igitur Childericus Aurilianis pugnas egit.

Следовательно, можно предположить, что армия Эгидия прибыла в Галлию из Италии для борьбы именно с вестготами, захватившими земли к югу от Луары и пытавшимися прорваться в Северную Галлию. Естественно, в этой ситуации Эгидий должен был заключить союз с франками, поскольку противостояние на два фронта для него в таких условиях было просто невыносимым. Подобное положение подводит к выводу, что центральная полевая армия империи, ранее размещенная в Италии, проводила боевые действия *совместно* с франками против вестготов, но не против самих франков, поэтому последние могли позволить себе свободно распоряжаться землями Второй Бельгии и сопредельными территориями.

Как известно, Эгидий умер в 465 г. (PLRE II, Aegidius, 13), но применительно к этому сюжету мы обладаем крайне важным свидетельством еще одного источника – так называемой «Книги истории франков», составленной в начале VIII в. в королевстве Меровингов. Согласно этой хронике, франки во главе с Хильдериком захватили Кельн и там, во время сражения, уничтожили «большое количество римлян со стороны Эгидия»; более того, самому Эгидию с трудом удалось бежать с поля боя, и именно после этих событий он ушел в мир иной⁵⁰.

Эти сообщения подсказывают нам, что, во-первых, штаб-квартира Эгидия размещалась в Кельне, т.е. именно этот город стал ставкой тех сил, которые прибыли вместе с Эгидием в Галлию из Италии, и, во-вторых, данная полевая армия, размещенная в Галлии, судя по всему, была полностью уничтожена в ходе битвы при Кельне и после падения города прекратила свое существование⁵¹. Очевидно, именно к периоду после 465 г. мы можем отнести пребывание Хильдерика в Париже, о котором упоминает «Житие св. Женевиевы» – несомненно, продвижение франков до этих рубежей было возможно только при отсутствии в Северной Галлии каких-либо римских регулярных сил.

Таким образом, представленный выше материал показывает, что изначально судьба экспедиционной армии, направленной из Италии в Галлию, была предопределена – ее командующий, Эгидий, был вынужден пойти на союз с франками для эффективной борьбы с вестготами, но в результате положение римских войск в Галлии перешло в полную зависимость от политики франкского короля. Когда франки с помощью Эгидия разбили своих главных противников и конкурентов в деле обладания Галлией, вестготов, Хильдерик направил свой удар против римлян, что и привело к поражению Эгидия под Кельном. Следовательно, совершенно очевидно, что перевод в Галлию полевой армии из Италии в условиях после 451 г. уже не мог принципиально изменить расстановку сил в этой провинции, перевес все равно оставался на стороне варваров, в данном случае – франков.

После 451 г. у империи не осталось сколько-нибудь значительных пограничных сил, способных противостоять новым варварским вторжениям – не случайно данные археологии показывают, что даже в Реции (в основном совр. Австрия), формально не затронутой реформами Аэция, кадровый состав гарнизонов состоял

⁵⁰ *Liber Hist. Franc.* 8: In illis diebus coeperunt Franci Agripinam civitatem super Renum... Multo populo Romanorum a parte Egidii illic interfecerunt; ipse Egidius fugiens evasit... post haec igitur mortuus est Egidius Romanorum rex (MGH. Scr. rer. Mer. II. P. 250).

⁵¹ На основании сведений «Книги истории франков» Г.-Г. Антон предположил, что Кельн был захвачен войсками живших на Нижнем Рейне франков-федератов, тем самым просто расширивших территорию своего проживания (см. Anton 1984, 21). На наш взгляд, при этом не учитывается в должной мере военный аспект проблемы: мы можем говорить не просто о захвате новых земель, но и об уничтожении размещавшейся там римской армии.

исключительно из германцев, особенно на северном и западном участках этой границы⁵². Соответственно, мы полагаем, что основы военной политики Аэция вплоть до его смерти в 455 г. принципиально не изменились по сравнению с походом 436 г. Ставка на оборону Италии и сосредоточение в ней всех наиболее эффективных легионов империи привела, на наш взгляд, к крайне тяжелым последствиям для государства, поэтому причины падения Рима с учетом военных аспектов следует искать не в событиях после Аэция, а в особенностях его собственной военной политики.

В этой связи позволим себе предположить, что наиболее вероятной причиной подобной военной стратегии были вторжение и последующий захват Северной Африки вандалами в 429 г., а также вполне закономерный переход под контроль варваров средиземноморских морских коммуникаций. Фактически, с 429 г. (и особенно – после 439 г., когда был захвачен Карфаген) вандалы стали для Италии главной военной угрозой, в Равенне более всего были обеспокоены возможностью вторжения вандалов в Италию, поскольку флот Гейзериха, короля вандалов, теперь мог беспрепятственно атаковать близлежащие острова и подойти вплотную к берегам Лация. Оставляя за рамками статьи проблемы вандальско-римских отношений в период правления императора Валентиниана III (425–455 гг.), приведем в подтверждение нашей идеи один важный и примечательный факт: еще в 419 и 422 гг., т.е. за несколько лет до вторжения вандалов в Северную Африку, центральные полевые войска, размещавшиеся в Италии, активно участвовали в военных кампаниях за пределами Италии, и яркий тому пример – боевые операции, проведенные на севере Испании против тех же вандалов, когда они еще занимали эти территории. По результатам данных военных кампаний римлянам удалось выбить вандалов из северо-западной Испании (Галлеции) и оттеснить их на юго-запад, в Бетику, откуда полчища Гейзериха и отплыли в Африку в 429 г.

Но применительно к указанным событиям предельно важно подчеркнуть, что в результате побед над вандалами многие из подразделений той армии, которая прибыла в Испанию из Италии, остались на территории Пиренейского полуострова и даже положили начало местной региональной полевой армии – по крайней мере, в 422–423 гг. они все еще размещались там⁵³. Подобное положение было напрямую связано с отсутствием вандальской угрозы с моря в 419 и 422 гг., и в этих условиях равеннская администрация могла позволить себе отправить за пределы Италии довольно значительную группировку войск, необходимую для борьбы с варварами.

И наоборот, после 429 г. римская стратегия резко меняется. Западноримский *magister militum* Аэций, получивший данный пост в том же году (см. PLRE II, Aetius 7, 22–23), сделал ставку на сосредоточение всех лучших военных сил империи в Италии, в то время как военные кампании в других провинциях проводились силами местных региональных армий, расположенных на территории этих провинций. После убийства Аэция в 454 г. римляне, как показывает пример с франками и войском Эгидия в Галлии, вернулись к старой стратегии и вновь стали отправлять экспедиционные армии Италии за ее пределы, но к тому времени слом и разрушение системы пограничной защиты империи зашли уже так далеко, что тактические изменения в территориальном распределении полевых армий уже не могли серьезно изменить сложившуюся ситуацию.

⁵² См. Keller 1986, 576–577.

⁵³ См. Scharf 1996, 87–88, 90–91. О пребывании вандалов в Галлеции и их положении в этом регионе см. Arce 2002, 78–79, 83, 85.

Литература / References

- Altheim, Fr. 1962: *Geschichte der Hunnen*. Bd. IV: *Die Europäische Hunnen*. Berlin.
- Anderson, W.B. (ed.) 1963: *Sidonius. Poems and Letters*. With an English translation, introduction, and notes by W.B. Anderson. Vol. I. Cambridge (Mass.)–London.
- Anton, H.H. 1984: Trier im Übergang von der Römischen zur Fränkischen Herrschaft. *Francia* 12, 1–52.
- Arce, J. 2002: Los Vandalos in Hispania (409–429 A.D.). *Antiquité Tardive* 10, 75–86.
- Bachrach, B.S. 1971: Procopius and the Chronology of Clovis's Reign. *Viator. Medieval and Renaissance Studies* 1, 21–32.
- Bachrach, B.S. 1975: Who were the Ripariolibriones? *Grazer Beiträge* 3, 15–19.
- Banniard, M. 1978: L'aménagement de l'histoire chez Grégoire de Tours: à propos de l'invasion de 451 (H.L. II. 5-7). *Romanobarbarica* 3, 5–39.
- Böhme, H.W. 1994: Der Frankenkönig Childerich zwischen Attila und Aëtius. Zu den Goldgriffspathen der Merovingerzeit. *Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte* 16, 69–110.
- Bruet, R. 1988: Nouvelles recherches à Tournai autour de la sépulture de Childéric. *Revue archéologique de Picardie* 3–4, 39–43.
- Castritius, H. 1985: Die Grenzverteidigung in Rätien und Noricum im 5. Jahrhundert n. Chr. Ein Beitrag zum Ende der Antike. In: H. Wolfram, A. Schwarcz (eds), *Die Bayern und ihre Nachbarn*. Teil 1. Wien, 17–28.
- Coşkun, A. 2002: Ein geheimnisvoller gallischer Beamter in Rom, ein Sommerfeldzug Valentinian und weitere Probleme in Ausonius' Mosella. *Revue des Études Anciennes* 104, 401–432.
- Czúth, B. 1983: Die Rolle des Volkes zur Zeit der Belagerung des Orleans durch Attila (Juni d. J. 451). *Acta Historica (Szeged)* 76, 3–10.
- Delmaire, R. 2008: Flavius Aetius, “delatorum inimicissimus”, “uindex libertatis”, “pudoris ultor” (CIL VI 41389). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 166, 291–294.
- Demougeot, E. 1966: La Gaule nord-orientale à la veille de la grande invasion germanique de 407. *Revue Historique* 236, 17–46.
- Demougeot, E. 1970: À propos des lètes gaulois du IV siècle. In: R. Stiehl, H. Stier (eds), *Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim*. Berlin, 101–113.
- Demougeot, E. 1988: Attila et les Gaules. In: E. Demougeot, *L'Empire Romain et les Barbares d'Occident (IVe–VIIe siècle)*. *Scripta varia*. Paris, 215–250.
- Duparc, P. 1958: La Sapaudia. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 102/4, 371–384.
- Günther, R. 1971: Laeti, foederati und Gentilen in Nord- und Nordostgallien im Zusammenhang mit der sogenannten Laetenzivilisation. *Zeitschrift für Archäologie* 5, 39–57.
- Günther, R. 1977: Einige neue Untersuchungen zu den Laeten und Gentilen im 4. Jhr. und zu ihre historischen Bedeutung. *Klio* 59, 311–321.
- Jullian, C. 1921: Notes Gallo-Romaines. XC. Le Tares de la Notitia Dignitatum: le Duché d'Armorique. *Revue des Études Anciennes* 23, 103–109.
- Kazanski, M., Périn, P. 1988: Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric 1er; état de la question et perspectives. *Revue archéologique de Picardie* 3–4, 13–38.
- Kazanski, M., Périn, P. 1996: La tombe de Childéric et la question de l'origine de parures de style cloisonné. *Antiquités Nationales* 28, 203–209.
- Keller, E. 1986: Germanenpolitik Roms im bayerischen Teil der Raetia Secunda während des 4. und 5. Jahrhundert. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 33/2, 575–592.
- Kießling, M. 1910: Geloni. In: *RE* Hlbd. XIII, 1014–1018.
- Kulikowski, M. 2000: The “Notitia Dignitatum” as a Historical Source. *Historia* 49, 358–377.
- Lot, F. 1930: La conquête du pays d'entre Sein-et-Loire par les Francs: la ligue Armoricaire et les destinées du duché du Maine. *Revue Historique* 165, 241–253.
- Lot, F. 1936: La “Notitia dignitatum utriusque imperii”. *Revue des Études Anciennes* 38, 285–338.
- Loyen, A. 1942: *Recherches Historiques sur les Panégyriques de Sidoine Apollinaire*. Paris.
- Loyen, A. 1944: A la recherche du «Vicus Helena». *Revue des Études Anciennes* 46, 121–134.
- Loyen, A. (éd.) 1960: *Sidoine Apollinaire*. T. I. *Poèmes*. Texte établi et traduit par A. Loyen. Paris.
- Loyen, A. 1969: Le rôle de saint Aignan dans la défense d'Orléans. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 113/1, 64–74.
- Mazzarino, S. 1976: Aezio, la notitia dignitatum e i Burgundi di Worms. In: E. Cerulli (ed.), *Convegno internazionale Renania Romana (Roma, 14–16 aprile 1975)*. Roma, 297–316.
- Nagy, T. 1967: Reoccupation of Pannonia from Huns in 427 (Did Iordanes use the Chronicon of Marcellinus Comes at the writing of the Getica?). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 15, 159–186.

- Nesselhauf, H. 1938: *Die spätrömische Verwaltung der gallisch-germanischen Länder*. Berlin.
- O'Flynn, J.M. 1983: *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton.
- Oldenstein, J. 1986: Neue Forschungen im spätrömischen Kastell von Alzey. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 67, 289–356.
- Oldenstein, J. 1993: La fortification d'Alzey et la défense de la frontière romaine le long du Rhin au IVe et au Ve siècles. In: M. Kazanski (éd.), *L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIe siècle*. Rouen, 125–134.
- Oldenstein, J. 1994: Die letzten Jahrzehnte des römischen Limes zwischen Andernach und Selz unter besonderer Berücksichtigung des Kastells Alzey und der Notitia Dignitatum. In: F. Staab (ed.), *Zur Kontinuität zwischen Antike und Mittelalter am Oberrhein*. Sigmaringen, 69–112.
- Pétry, F. 1976: Circonscription d'Alsace. *Gallia* 34, 379–411.
- Périn, P. 1995: Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique. In: F. Vallet, M. Kazanski (éds.), *La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIe siècle*. Paris, 247–302.
- Poulin, J.-Cl. 1983: Les cinq premières Vitae de Sainte Geneviève, Analyse formelle, comparaison, essai de datation. *Journal des savants* 1–3, 81–150.
- Salaün, G. 2008: Empreintes inédites de l'anneau sigillaire de Childéric Ier: état des connaissances. *Antiquités Nationales* 39, 217–224.
- Scharf, R. 1990: Die Kanzleireform des Stilicho und das römische Britannien. *Historia* 39, 461–474.
- Scharf, R. 1996: *Spätrömische Studien. Prosopographische und quellenkundliche Untersuchungen zur Geschichte des 5. Jhr. nach Chr.* Mannheim.
- Scharf, R. 1999: Ripari und Olibriones? Zwei Teilnehmer an der Schlacht auf den Katalaunischen Feldern. *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung* 107, 1–11.
- Scharf, R. 2001: *Foederati: Von der Völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung*. Wien.
- Scharf, R. 2005: *Der Dux Mogontiacensis und die Notitia Dignitatum*. Berlin–New York.
- Simpson, Chr. J. 1988: Laeti in the Notitia Dignitatum. "Regular" Soldiers vs. "Soldier-Farmers". *Revue belge de philologie et d'histoire* 66, 80–85.
- Soraci, R. 1980: Roma e i Burgundi. In: *Passaggio dal mondo antico al medio evo da Teodosio a san Gregorio Magno (Roma, 25–28 maggio 1977)*. Roma, 477–514.
- Springer, M. 1998: Riparii – Ribuarier – Rheinfranken nebst einigen Bemerkungen zum Geographen von Ravenna. In: D. Geuenich (ed.), *Die Franken und die Alemannen bis zur "Schlacht bei Zülpich"*. Berlin–New York, 200–269.
- Stickler, T. 2002: *Aëtius. Gestaltungsspielräume eines Heermeisters im ausgehenden Weströmischen Reich*. München.
- Täckholm, U. 1969: Aetius and the Battle on the Catalaunian Fields. *Opuscula Romana* 7, 259–276.
- Werner, K.-F. 1996: La «conquête franque» de la Gaule: itinéraires historiographique d'une erreur. *Bibliothèque de l'école des chartes* 154, 7–45.
- Zecchini, Z. 1983: *Aezio: l'ultima difesa dell'Occidente Romano*. Roma.